

Горизонты культуры

Р.А. Макаренко

Руан — город-музей

Не так давно мне посчастливилось побывать в Руане. Давно мечтала увидеть этот город, один из старейших во Франции. Это столица Верхней Нормандии. Сейчас многие называют его столицей северо-западной Европы. Это город, которым восхищались и восхищаются все приезжающие в него, очень старый и вечно молодой, но всегда божественно красивый. Город, который прославили многие знаменитые его граждане: драматург Пьер Корнель, романист Гюстав Флобер, ученый-физик и философ Блез Паскаль, автор романизированных биографий Андре Моруа и другие. Художник-импрессионист Клод Моне увековечил Руан, изобразив знаменитый Руанский собор на своих картинах. Про такие города говорят, что каждый камень здесь дышит историей, что город имеет свое лицо и душу. Многие памятники Руана и его окрестностей внесены в списки объектов культуры мирового значения, сюда едут туристы из всех стран мира, чтобы прикоснуться к седьмым камням, попытаться ощутить дух столетий, окунуться в атмосферу средневековых улочек в поисках новых впечатлений.

Мы едем по живописному шоссе Париж – Руан, по равнине Нормандии, то вдоль Сены, то пересекая ее. Сена течет величаво-спокойно, словно осознавая свою важность и неповторимость. Она издавна является жизненной артерией этого региона, ей посвящено столько поэтических строк, о ней сложено столько песен! «Сена – самый лучший торговый путь, созданный природой», – сказал древнегреческий историк Страбон. Она и сейчас по-прежнему источник богатства и красоты Руана и его окрестностей. Без нее римляне, возможно, и не выбрали бы это место для основания столицы Второй Лионской провинции после покорения Галлии.

Но вот дорога прижимается к меловым скалам высотой до ста метров, почти отвесно спускающимся к реке. Это скалы Ориваль. Сочетание белого камня, зеленой травы и кустарников на склонах, уходящих ввысь, тихая французская речь, быстрая езда по великолепной дороге создают впечатление нереальности происходящего. И наконец – Руан. Сказка продолжается! Мы в городе витражей, в городе «ста колоколен» (В. Гюго), десяти тысяч жителей, десяти соборов и церквей и тридцати музеев!

Руан был основан римлянами в первом веке нашей эры у излучины Сены в 105 км от моря. Его назвали Rotomagus. Удобное положение на перекрестке европейских дорог определило быстрый рост и развитие города как важного коммерческого, религиозного, политического и административного центра региона. В конце III века н.э. сюда проникло христианство, и уже в 314 году здесь появились первые монастыри. В VII веке в долине Сены их было уже 22. В IX веке край подвергся нашествию викингов – норманнов, как их называли. С тех пор страну стали именовать Нормандией. Норманны хозяйничали здесь почти столетие. Руан становится одним из крупнейших рынков, где продают рабов и военные трофеи, добытые во время набегов викингов на Англию и другие страны. Тем временем герцоги Руанские поощряют восстановление и развитие монастырей, разрушенных норманнами, и монастыри начинают играть все более важную роль в сельскохозяйственной, духовной и культурной жизни края. В Руане учреждена резиденция архиепископа. В XII–XIII веках во Франции негласно устанавливается культ Богоматери. В крупнейших городах начинают строить храмы, посвященные Богородице: в Шартре, Реймсе, Париже, Орлеане, Руане. На месте разрушенной романской церкви в XII веке в центре Руана начинается строительство Нотр-Дам де Руан – Руанского собора, жемчужины готической архитектуры.

Клод Моне. Руанский собор. 1894

Мы на соборной площади, в центре самого прославленного и оживленного квартала Руана. Здесь концентрируется коммерческая, туристическая, юридическая, религиозная жизнь города, здесь можно увидеть самые старые дома в нормандском стиле и самые известные памятники истории.

Руанский собор строился почти сто лет. Он был освящен в 1240 году, но еще в течение трех веков шли работы по его украшению и перестройке, и каждый архитектор вносил нечто свое. Некоторые говорят об отсутствии единого ансамбля и стиля в архитектуре и оформлении. Но, может быть, именно отсутствие единого ансамбля и составляет его прелесть и оригинальность. Он как живой человек, который меняется в течение жизни и в то же время остается самим собой.

Когда к Руанскому собору подходишь близко, появляется ощущение, что он нерукотворен, настолько он поражает воображение. Несомненно, страстным молитвам ранних христиан внимал Господь – только с его помощью мог родиться этот шедевр с его величием и красотой, точностью пропорций и простотой. Ширина собора составляет треть его высоты. Литая стрела высотой 152

Разрушения в результате бомбардировок Руана в апреле 1944 г.

метра – самая высокая во Франции и весит девять тонн. Все пять порталов богато украшены резьбой, их называют «Библией в камне». Боковые порталы центрального входа – ранняя готика – сохранились с XIII века. Ансамбль Тур де Бер, один из боковых порталов, датируется 1521 годом и считается лебединой песней поздней готики. Интересна история названия этого портала: «Тур де Бер» в переводе означает «Масляная башня», она была построена на пожертвования прихожан, которые получали за это разрешение есть масло во время

поста. Башня высотой 76 м выстроена в «пламенеющем стиле».

Богатство внешней отделки собора резко контрастирует с внутренней строгостью и чистотой линий. Гармония, торжественность и величие, обилие света, проникающего через витражи и розетки, внушают благоговение и вызывают ощущение покоя. Уходящие высоко вверх своды арок, кажется, делают человека еще меньше, еще незначительнее. Но вот начинает звучать музыка. Все меняется. Она уносит вашу душу в неведомую высь, в царст-

Фрагмент Руанского собора, разрушенного в результате бомбардировок, оставленный как напоминание о тех страшных событиях 1944 г.

во красоты и гармонии, побуждает стремиться к внутреннему обновлению и совершенству.

Многие века собор продолжали украшать, а наш век чуть не разрушил его: в 1944 году во время бомбардировок Руана войсками союзников в его неф попали семь авиабомб. Разрушения были страшными. Понадобились двенадцать лет кропотливого и самоотверженного труда, чтобы вернуть ему первоначальный вид. Но реставраторы не смогли исправить все: безвозвратно утрачены несколько витражей XII–XIII веков. Вместо

них теперь просто прозрачные стекла – как напоминание потомкам.

По узкой пешеходной улице, главной улице исторического центра Руана, идем к самому знаменитому и посещаемому памятнику – Большим Башенным часам. Механизм датируется 1389 годом и считается самым старым из действующих. Часы показывают фазы Луны, знаки Зодиака и дни недели. На циферблате часов всего одна стрелка – часовая, так как в то счастливое время еще не считали минут. Так и не осознав в полной мере, сколько

Руан. Современный вид моста с которого были сброшены в реку Сена сердце, несгоревшие останки и пепел Жанны д'Арк

Памятник Жанне д'Арк

«видели» и «слышали» эти часы за 600 лет, сколько они отбивали часов и суток, идем дальше по улице Больших Башенных часов, где каждый дом – историческая и архитектурная ценность. Это фахверковые дома из дубовых брусьев, построенные по принципу каркаса. Так издавна строили в Нормандии. Их возраст (600–700 лет) внушает уважение. А яркие цветы на подоконниках и балконах создают впечатление вечного праздника. Но это впечатление обманчиво. Город живет и работает в европейском ритме. Праздно гуляют здесь только туристы.

На левом берегу Сены в окрестностях Руана – промышленная зона. Руанский промышленный регион – это тяжелая металлургия, нефтепереработка, химическое, фармацевтическое производство, текстильные и бумажные фабрики, переработка сельхозпродуктов. Всего 220 000 рабочих мест.

Наша прогулка по Руану продолжается. Теперь мы идем к площади Старого рынка. С ним связана одна из самых трагических страниц в истории Руана. На этой площади проходили публичные казни преступников, политических противников, еретиков. Теперь это место памяти самой известной из дочерей Франции – Жанны д'Арк. Именно здесь она была сожжена. 20 лет назад на площади Старого рынка появился посвященный ей мемориальный ансамбль – торговые ряды, церковь Святой Жанны д'Арк и Крест Реабилитации.

Здесь очень тихо, шум города едва уловим. Подходим к клумбе разноцветных петуний и читаем на таб-

Площадь старого рынка

Церковь Святой Жанны д'Арк

личке: «Костер», и ниже на трех языках: «На этом месте была сожжена Жанна д'Арк 30 мая 1431 года». У стены церкви стоит скорбная женская фигурка из белого камня – Жанна молится перед казнью. Алые петунии на клумбе напоминают капли крови несгоревшего сердца невинно осужденной. В церкви – Галерея Памяти. Читаем слова Андре Мальро: «О Жанна без портрета и гробницы, Ты знала, что могилы героев – это сердца живых». Да, портрета Жанны д'Арк не существует, но подвиг простой деревенской девушки живет и будет жить в сердцах тех, кто способен оценить величие ее души. Сюда приходит много людей, чтобы поклониться ее духу, а, возможно, подумать о своей собственной жизни. Ведь в местах, где происходили яркие исторические события, чувствуешь и думаешь иначе. Поневоле задаешь себе сакральный вопрос: а ты бы смог?

Многие не отдают себе отчета в величии героических устремлений юной пастушки. Свет подвига Жанны подобен свету кометы, разогнавшему тьму ночного неба. Ничего подобного в истории ни до, ни после Жанны не было.

К сожалению, людской подвиг не может существовать без предательства. Вот как монах-доминиканец Изамбарт описал последние минуты ее жизни: молясь перед казнью, «Жанна произно-

сила слова такие набожные, такие благочестиво-католические, что все, кто на нее смотрел (очень много людей), так горько плакали, что даже кардинал Английский и некоторые другие англичане плакали и сочувствовали ей. Благочестивая женщина попросила принести ей крест из ближайшей церкви, чтобы распятый Христос был у нее перед глазами во время казни. Уже обьятая огнем, она не переставала призывать на помощь Иисуса и других святых рая. Перед тем, как потерять сознание и склонить голову, она прошептала имя Иисуса».

Через 25 лет Жанна была реабилитирована, а через неполных пять веков, в 1920 году, Римская католическая церковь канонизировала и причислила Жанну д'Арк к лику святых. Юная девушка из деревни Домреми, за семь дней освободившая Орлеан, посаждаемый полгода, и короновавшая Карла VII в Реймсе, стала национальной героиней Франции.

Прогулка по Руану была похожа на погружение в другой мир, в другую реальность. Невозможно не восхищаться этим городом. Нас провожали звуки аккордеона, звучавшие на площади, и Сена, которая все так же несла свои воды к океану, как сто, двести и две тысячи лет назад.

Июль 2002 года

Алексей Анастасьев

Дон Кихот: Неотвратимая сила добра*

При своем появлении на свет в 1605 году первая часть романа «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (во второй части, в 1616-м, герой превратится в «кабальеро», то есть поднялся иерархическим рангом выше) имела огромный успех. Правда, современники, от души потешаясь над фарсовыми ситуациями, увидели в книге лишь веселую и увлекательную пародию на рыцарские романы, которые составляли основной корпус тогдашней литературы. Тут и там стали выходить «воровские» продолжения этой истории. И можно сказать, что вторым томом «Дон Кихота» мы обязаны именно им: иные из них привели Мигеля де Сервантеса в такую досаду, что он не выдержал и снова взялся за перо. В результате у нас есть самая ценная часть – более философическая, серьезная и глубокая. Труд гения на склоне лет, краеугольный камень всей кастильской культуры. Энциклопедия национального духа и жизни. Галерея народных типов. Самая известная (Дон Кихота знают даже те, кто о нем не читал) из очень немногих книг об удавшемся положительном герое – таком, который не творит ничего, кроме добра, а читать все равно интересно. «Светское Евангелие», предложенное миру Испанией. Достоевский много позже скажет: когда человеку придет пора держать перед Богом ответ за свою земную жизнь, он сможет выложить перед Всевышним том «Дон Кихота» – и этого будет достаточно.

Тут я, пожалуй, позволю себе краткое отступление, которое в испанском духе назову романсом.

* Публикация приурочена к Году Испании в России и 150-летию журнала «Вокруг Света». Печатается в сокращении по: Вокруг Света. № 6, 2009.

Романс о посмертной славе

К веку XX Испания, измученная столетиями экономических невзгод и потерей последних колоний, с новой силой ухватилась за кихотистский идеал. Знаменитое «поколение 1898 года» – плеяда литераторов и ученых, давших стране несколько Нобелевских премий, – подняло странствующего рыцаря на свой щит. В 1905 году, к 300-летию «Дон Кихота», яркий представитель этого поколения Антонио Асорин по заказу газеты «Импарсьяль» предпринял примерно то же, что нынче делаю я: проехал по Кастилии путями, которыми некогда бродили рыцарь и оруженосец.

В 2005 году, торжества по случаю 400-летия выхода в свет первой части «Дон Кихота» уже поистине не знали удержу. Но главное – туристические власти наконец совместили сетку Кихотовых странствий с картой страны – тропинки и шоссе в соответствующих областях теперь отмечены фирменными значками: зелеными квадратами с надписью *La Ruta de Don Quijote* – «Путь Дон Кихота».

К сожалению, а может быть, к счастью, туристов на этом маршруте немного даже в сезон. Во всяком случае, у нас с вами, дорогие читатели, будет возможность спокойно походить по следам, оставленным копытами Росинанта и ослика, потолковать с людьми, которые вышли из любительских доспехов бедного идальго, как русская литература из гоголевской «Шинели».

На первой родине героя

В 80-х годах XVI века в селе Эскивиас жил небогатый человек по имени Алонсо – то ли Кихада, то ли Кехана. Был он благородного происхождения, но всего лишь идальго, то есть не имел ни титула, ни поместий, а мог похвастаться только старинным семейным деревом (собственно, испанское *hidalgo* – это сокращенное *hijo de alguien*) и сословным правом не платить налогов и сидеть в церкви близ алтаря, на почетном возвышении. Еще у него был добротный двухэтажный дом с погребом, жена и, кажется, даже дети, но больше всех сеньор Алонсо любил правнучку своего кузена – маленькую Каталину де Паласьос-и-Саласар. Должно быть, он часто нянчил ее на коленях и, чтобы развлечь, читал что-нибудь из своей прекрасной библиотеки, известной в те времена ученым людям даже в далеком Толедо («целых» 47 километров отсюда). Когда девочка выросла и вышла замуж, добрый идальго уже совсем состарил-

Атаульф – славный вестготский король (410–415 гг.) всю жизнь странствовал, отстаивал справедливость и веру. В некотором роде он – предшественник и брат Дон Кихота по духу

ся, и его чудачества усугубились. Он окончательно забросил хозяйственные дела, все больше читал, а однажды и вовсе объявил, что удаляется в монастырь тринитариев. 19-летняя Каталина, сказал сеньор Кихада, может, если пожелает, жить в его доме с мужем. Муж предложение идальго-книгочех принял с радостью. А в благодарность, очевидно, решил описать благодетеля в каком-нибудь из своих сочинений, ибо среди ста профессий, в которых с ранних лет до старости пробовал себя этот беспокойный человек, была и литература. Как нетрудно догадаться, супруга-литератора звали Мигель де Сервантес Сааведра. В приходской книге местной церкви есть запись о том, что священник «заключил брак между Мигелем де Сервантесом из Мадрида и Каталиной де Паласьос из Эскивиаса» (запись можно увидеть и сегодня, и я ее видел).

Удивительное дело: всего несколько десятков километров от спесивого и делового Мадрида, а воздух и атмосфера – совершенно другие. Именно «манчегос» – ла-манчские. Здесь, к юго-востоку от столицы, начинается часть Кастилии, название которой, как говорят нам лингвисты, происходит от арабского то ли «аль-манса» – «безводная земля», то ли «манъя» – «высокая равнина». Но испанскому уху хочется слышать его без затей, на родном языке, как *la mancha* – «пятно». Это и вправду цельное округлое пятно размером в 30 000 км² на теле Иберии – долина между горами Сьерра-Морены на юге, за которыми уже Андалусия, и Леонским нагорьем на севере. Вот пространство «Дон Кихота». Характер этих мест – дремотный покой, всегда готовый взорваться лихорадочным огнем.

Весенним утром большая, в несколько тысяч жителей, деревня Эскивиас еще толком не проснулась. Только несколько хмурых стариков в черных по старой франкистской моде беретках выползают из ворот намывать самого разного рода памятники сервантесовского цикла, от традиционных до концептуальных: дону Мигелю, Дон Кихоту, юной Каталине Паласьос.

В романе нет полноценного главного женского образа, не считая отсутствующей Дульсины, но тут и там появляются смекалистые, с лукавыми усмешками и быстрыми движениями служанки, авантюристки, рассудительные Тересы Пансы и прочие представительницы хитроумного пола, служащие его украшением. Хранительниц

Прижизненных портретов автора «Дон Кихота», увы, не существует – все они, начиная с первой половины XVII в., (как этот) основаны на его описании собственной внешности в прологе к «Назидательным новеллам»

музеев среди них, конечно, нет. Но на нашем пути одна такая попалась.

Лет сорок назад здесь родилась девочка, которую назвали Сусаной. Росла она с братьями и сестрами в дедовском доме. Окончив школу, уехала в большой город учиться в университете. Дед тем временем продал свое просторное жилище государству, и никогда студентка не

менее старого дона Алонсо, пресловутый бритвенный таз, он же шлем Мамбрина.

– Слушай, Сусана, открой мне тайну: почему этот шлем всегда изображается с выемкой на боку?

Моя провожатая молча сняла реликвию со стены и приложила ее щербинкой к шее:

– Это же таз для бритья – чтобы пена не капала.

Интересно, много ли моих читателей додумались до этого раньше? Или я один так недогадлив? Ну да Бог с ними, пора в дорогу – дальше по пути Дон Кихота.

чей стекала кровь мавров, и где мелкие предприниматели покупают у муниципалитета под винные бары заброшенные древнеримские погреба.

Как будто посмертная цензура вычеркнула из списка рукотворных памятников Сервантесу те, что находились в Толедо. Зато если кто возьмется искать культурные источники, сформировавшие личность создателя Дон Кихота, кто задастся вопросом: откуда взялся этот автор с его скрытым религиозным нигилизмом, вселенской иронией, кругозором, ученостью, почерпнутыми не в монастырских или университетских стенах, а словно бы из воздуха, – тому прямая дорога сюда.

Мы с толедским историком и экскурсоводом-любителем Рикардо Гутьерресом бессистемно петляем немислимыми маршрутами, которые не имеют ничего общего с теми, что описаны в путеводителях.

– Кстати, я очень советую вам съездить в Консуэгре. Ради мельниц.

– С удовольствием. А как это – ради мельниц?

– О, там масса живописных ветряных чудищ вроде тех, с которыми сражался Дон Кихот. Смотрители вам скажут, что они подлинные. Не верьте. Самая старая из них построена в XVIII веке. Но посмотреть все равно стоит.

К моменту создания «Дон Кихота» Толедо уже полвека как перестал быть политической столицей Кастилии, но еще оставался столицей искусств. Именно тут, согласно мистификации Сервантеса, он и «приобрел» рукопись романа

увидела бы больше родных комнат, если бы не то обстоятельство, что дом, как выяснилось, некогда принадлежал идальго Алонсо Кихаде, а спальней девочки был кабинет классика испанской литературы. Получив диплом историка, Сусана Гарсия в конце 1990-х стала директором Дома-музея Сервантеса в Эскивиасе. Такие вот бывают кольца у судеб.

В 1994 году здесь официально открыли экспозицию. Восстановить обстановку оказалось нетрудно. Устройство домов XVI века и поныне хорошо известно всем в ла-манчских деревнях – народ в основном в них и живет. Без труда установили, где находились кладовки и кухни. Завезли жаровни и посуду. Расчистили комнату, которая – единственная – подошла под кабинет, где наверняка работал Сервантес.

– А тут нашлась кладка старого камина, значит, это была спальня. Мы ее называем «колыбель Кихота», ведь старик Кихада тоже когда-то здесь спал. Набор предметов в «колыбели» – хрестоматийно-кихотовский: старые доспехи, портрет не

Столица ла-Манчская

Дон Кихот и Санчо Панса избегали больших городов. С сегодняшней точки зрения город Толедо в глубокой излучине немногочисленной реки Тахо можно назвать большим только в насмешку. Он насчитывает около 82 000 жителей – всего на 20 000 больше, чем во времена Сервантеса. И все-таки и сегодня – это столица Ла-Манчи, как некогда был он столицей всего Кастильского королевства.

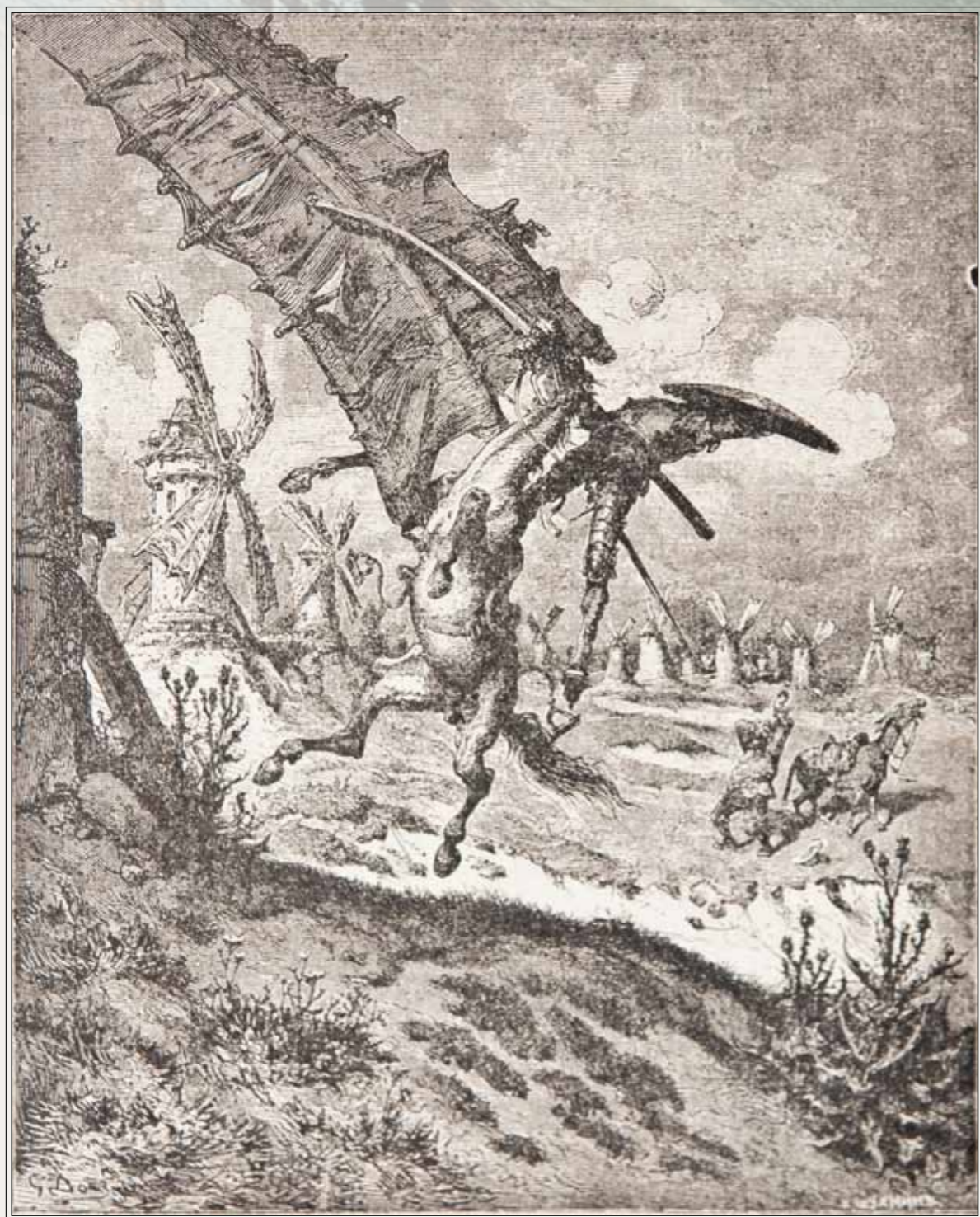
Мигель де Сервантес бывал в Толедо десятки раз. Здесь, при монастыре Сан-Хуан-де-лос-Рейес, жил монахом-францисканцем один его шурин – Антонио де Саласар. Другой, Родриго, тоже обитал в этом готическом лабиринте улиц. Кроме того, в Толедо находились доходные дома тещи Сервантеса, управление которыми она почему-то передала именно ему. Теперь от этих добротных зданий не осталось и камня, что редкость для города, где почти в неприкосновенности сохранилась вся средневековая застройка, где дети гоняют мяч по булыжникам, на которые с христианских ме-

Я посмотрел. Между прочим, для меня всегда оставалось загадкой, отчего это все читатели романа так привязались к этим мельницам? Отчего они так особенно знамениты? Ведь в сюжете есть масса эпизодов и более значимых. Один мой коллега даже высказал остроумное и подозрительно правдоподобное предположение: мол, это потому, что приключение с мельницами излагается в восьмой главе, дальше просто мало кто читает.

Как бы там ни было, ветряные мельницы образца сервантесовской эпохи даже и теперь, в XXI веке, – основная деталь пейзажа сельской Ла-Манчи. Кастилию (в буквальном переводе «Страну замков») с тем же успехом можно было бы назвать Молинией – «Страной мельниц». В какую бы деревню ты ни приехал, какой бы холм ни увидел – повсюду торчат они, белые, кирпичные, ошту-

♦ *Дон Кихот и Санчо инстинктивно избегали в странствиях больших городов и великолепных замков. Именно там с ними игрались самые злые шутки*

Пожалуй, самый «модный» эпизод «Дон Кихота» – безумный и безнадежный удар копьём в крыло ветряной мельницы, возможно, объясняется парадоксально просто и логично...
(гравюра знаменитой серии Гюстава Доре)

катуренные или голые. Сегодня по их количеству лидирует комплекс в поселке Кампо-де-Криптана. В расположенном же ближе к Толедо поселке Консуэгра из 12 тамошних мельниц прийти в движение способны лишь две, и происходит это по случаю разных праздников и фестивалей. Зато, как оказалось, здесь можно запросто встретить «живых» рыцаря и его оруженосца в органичном исполнении артистов из известной на всем пути Дон Кихота труппы Vitela Teatro.

Остается добавить деталь, проливающую свет на причину классической ошибки Дон Кихота: в XVI веке в Кастилии ветряные мельницы были еще новинкой, недавно проникшей в страну из голландских провинций. Так что непривычный к странному виду этих сооружений идалго вполне мог принять их за сказочных великанов, даже будучи в трезвом уме.

Село Посвящения и село Развенчания

К югу от реки Тахо влияние современной глобальной цивилизации слабеет. Отсюда до самой Монтьельской гряды и высокой Сьерра-Морены нет ни крупных центров, ни многоуровневых транспортных развязок. Здесь единые экономика и валюта еще не успели погубить маленькие наследственные хозяйства – минифундии. Здесь – Кастилия местечек, в каждое из которых вполне мог заезжать Дон Кихот. Кстати, исследователи давно заметили: если наложить на карту его маршрут, получаются хаотические зигзаги. Удивляться тут нечему: странствующие рыцари странствуют не с определенной целью, а по таинственному внутреннему зову.

Но сперва им необходимо обрести «лицензию на подвиги». Герой романа получил ее на постоялом дворе в Пуэрто-Лаписе.

Единственная улица этого села – часть единственной же в прошлом Королевской дороги из Валенсии в Толедо и Мадрид – открывает головокружительную даль в обе стороны, на восток и запад. Вдоль нее тянется сплошная гряда двух-

этажных построек с приземистыми калитками, запертыми на тяжелые замки. Только в нескольких местах – а точнее, в трех на весь Пуэрто-Лаписе, население которого составляет ровно 1000 жителей, – они чередуются с высокими, в два человеческих роста, арочными воротами (чтобы мог проехать всадник). Ворота обозначают посады, или венты, – те самые постоянные дворы, которых во времена Сервантеса в селении насчитывалось четыре. Четвертая потерялась в потоке лет. А остальные целы. Правда, официально тут больше не принимают постояльцев, но если попросить хозяев, свободное помещение всегда найдется. Такое же, как те, в которых отдыхали до утра герои века XVI. Да и откуда взяться иным, ведь большинство зданий в Пуэрто-Лаписе с тех пор не перестраивалось. Только крыши новые.

Тихо. Хозяйки хлопочут где-то в дальних помещениях, хозяева – на окрестных карликовых плантациях: оливковых, зерновых и фруктовых. По улице гуляет только прохладный ветер с Толедских гор – завидное для соседних селений спасение Пуэрто-Лаписе от кастильской жары. Из трех исторических вент самая большая отдана под мемориальные цели под именем Венты Дон Кихота: тут можно приобрести леденцы и сувениры. Впрочем, местные жители уверены, что на роль донкихотовой может с таким же успехом претендовать и любая другая – в них все по-прежнему, все на месте: вот маслодавилня, вот колодец, вот жаровня на кухне.

Конечно, всем известно, что Дон Кихот и Санчо (а также остальные 669 действующих лиц романа) – персонажи вымышленные. Но даже во вполне бытовом смысле они в Кастилии – самые что ни на есть живые люди. Ни про кого, кажется, столько не знают, не судят, не рядят, не вспоминают их привычки, поступки и присказки. И это притом, что ключевое слово здесь – недостоверность. Недостоверность – поэтическая, присущая самому испанскому духу.

И как нельзя лучше иллюстрирует ее следующий пункт на пути Дон Кихота – большой и богатый поселок Алькасар-де-Сан-Хуан, отстоящий

от Пуэрто-Лаписе на какие-то 20 километров (но разительно отличающийся от него климатически, что, впрочем, для Испании не диво). Долгое время именно он считался местом рождения Сервантеса. На месте, где якобы стоял дом отца писателя, возвели музей, но в один прекрасный день стройное здание доказательств рухнуло...

Если за звание родины Гомера спорили семь греческих городов, то за «принца гениев» (так принято в Испании называть Сервантеса – в отличие от «феникса гениев», Лопе де Веги) – девять кастильских. Основной и эффектный довод в пользу Алькасара отыскал еще в середине XVIII века известный эрудит и просветитель Блас Насарре-и-Феррис. Отыскал классическим способом – в приходской книге местной церкви Святой Марии за 1748 год он прочел о рождении у Бласа Сервантеса Сабедры и жены его Каталины Лопес сына Мигеля. Недолго думая, Насарре приписал своей рукой на полях фразу: «Это и был автор истории Дон Кихота Ламанского». С тех пор в академических кругах вопрос долгое время считался решенным. Но во второй половине XIX столетия один за другим начали всплывать документы, свидетельствующие, что истинная родина писателя – не Алькасар, а городок Алькала-де-Энарес в непосредственной близости от Мадрида. Кончилось тем, что в 1914-м раздосадованные местные власти в сердцах постановили передать Алькале те несколько «важных документов» XVI века, которые якобы свидетельствовали о сервантесовском присутствии в их краю.

Романс об истоках и недоразумениях

Алькала-де-Энарес – место очень древнее даже по меркам Пиренейского полуострова, где многометровые исторические пласты выходят на поверхность на каждом шагу. Археологи считают, что

«В путь» – из «села посвящения», Пуэрто-Ла-Писе (как ныне установлено «сервантистами»), с постоялого двора отправляется Дон Кихот по тернистому пути странствующего рыцарства (гравюра Г. Доре)

здесь в долатинскую эпоху селились еще кельтиберы, которые придумали некое непристойное название, переименованное римлянами в Комплутум, или Комплутенцию. Затем все произошло, как и повсюду в Испании: римлян на короткое время сменили вестготы, тех вытеснили арабы, которые и построили свой замок – «ал-калат», или, на кастильский манер, «алькала». Это название и закрепилось после Реконкисты с добавлением названия реки.

Настоящий же взлет Алькалы-Комплутенции начался в самом конце XIII века, когда король Санчо IV велел открыть здесь Генеральные студии, превратившиеся 200 лет спустя в Комплутенский университет. Этот последний уже во времена Сервантеса соперничал с Саламанкским за репутацию самого престижного в стране.

◀ Пусть Алькасар де-Сан-Хуан и официально утратил звание родины Сервантеса – сонный, раскаленный, всегда готовый к темпераментному взрыву характер этого места близок «Дон Кихоту» как никакой иной

В романе «Дон Кихот» есть косвенные отсылки к Алькале-де-Энарес. Но опять-таки заметили их исследователи только в XIX столетии, когда стали появляться все более убедительные доказательства того, что «принц гениев» появился на свет все-таки здесь. Тем временем документы и объекты «сервантесовского цикла» продолжали всплывать один за другим. Главную роль в этом сыграл известный дон Луис Астрана Марин, автор семитомной «Назидательной и героической жизни дона Мигеля де Сервантеса Сааведры». Это он в 1941 году вытаскил на свет божий сведения о покупке дедом писателя дома по нынешней улице Майор, 48, где и начался жизненный путь великого внука.

Что же до университета, с которого начался взлет Алькалы, то он не то чтобы захирел, а, представьте себе, переехал. Дело в том, что в Мадриде очень долго не было своего полноценного «вуза», что в конце концов показалось властям странным. И тогда в середине XIX века Комплутенский (то есть Алькаланский) университет был механически перенесен в столицу. При этом (что звучит комически) он сохранил свое название!

Родной город Сервантеса долго переживал это обстоятельство, боролся за свое право и в конце концов был вознагражден. В старые мехи влилось новое вино – «помещения-декорации» XV века в 1977 году снова приняли студентов. А вслед за тем ЮНЕСКО, как бы устав вносить в свои списки Всемирного культурного наследия все новые и новые отдельные объекты внутри Алькалы, записало туда весь город целиком.

Романс о странствующем рыцарстве

Как явствует из самого названия, Алькасар-де-Сан-Хуан служил цитаделью и штаб-квартирой госпитальерам ордена Святого Иоанна Иерусалимского еще с 1235 года. Именно в недрах этой организации, члены которой вынуждены были столетиями скитаться по миру, родилось представление о безупречном воине, искателе счастья, восстановителе веры, правды и справедливости. Наложив эти идеалы на романтические представления из легенд о короле Артуре и Святом Граале, получаем сплав, из которого

◀ Мария-Хосе Мартинес Саинс, она же Дульсинья Тобосская, то есть победительница вполне официального ежегодного конкурса на «лучшую Дульсинью» в деревне Тобосо. Мария-Хосе победила в 2007 г.

родился «светоч и зеркало всего странствующего рыцарства» – Дон Кихот Ламанчский.

Городок этот лежит в котловине между четырьмя отрогами безымянных холмов. Чаша неглубока, но ее достаточно, чтобы не пропускать горные ветры, которые так облегчают жизнь и дыхание Пуэрто-Лаписе. Воздух здесь словно бы становится тяжелее, он тает каплями, как мороженое, отягощая и без того ослабленную постоянным солнечным жаром землю. Даже пчелы зависают в странной летаргии в нескольких сантиметрах над цветами. От этой густого золотистого марева все вокруг впадает в состояние оцепенения.

Любовь героя

«В самую глухую полночь, а может быть, и не в самую, Дон Кихот и Санчо покинули рощу и вступили в Тобосо...

– Сын мой Санчо! Указывай мне путь во дворец Дульсиней, может статься, она уже пробудилась... Да ты смотри, Санчо: или я плохо вижу, или же вон та темная громада и есть дворец Дульсиней. – Дон Кихот приблизился вплотную к темневшей громаде и увидел высокую башню, и тут только уразумел он, что это не замок, а собор. И тогда он сказал: – Мы наткнулись на церковь, Санчо».

Свернув с основного шоссе на Альбасете, мы въехали в родную деревню Дульсиней и выбрались на главную площадь селения, к той самой церкви Сан-Антонио-Абад, на которую наткнулись герои. Теперь перед ней стоит памятник: коленопреклоненный Кихот с непомерно длинными конечностями перед вполне реалистичной Дульсинеей – грубоватой крестьянкой, которая в два раза крупнее своего кабальеро.

В остальном же все в Тобосо осталось, как прежде: звездное небо, душистый воздух, насыщенный ароматами шафранной розы, странные тени, отдаленные хозяйственные шумы да тот самый собачий лай, который показался дурным предзнаменованием рыцарю. Разве что ослов уже не осталось, а в остальном и это селение ничуть не изменилось за 400 лет. Точно так же в поздний час оно кажется почти вымершим. Только на центральной площади, в таверне «Сон Дон Кихота», вовсю идет веселье. Бодрая и плотная, с крупными красными руками и лошадиными зубами трактирщица по имени Дульсинья одновременно подливает напитки гостям у стойки, балагурит с ними, стучит

Узкими улочками ламанчских городков-деревенок ходили и ходят по сей день сервантесовские герои. Мостовые того же Тобосо совсем не изменились...

на клавишах кассы, командует подавальщицами и смотрит футбол по телевизору.

В Тобосо девочек часто называют Дульсинеями, хотя в любой другой части страны это имя сочли бы претенциозным. Мой новый знакомый, образованнейший дон Хосе Энрике, профессор-химик, который несколько лет назад оставил профессорскую кафедру ради прогулок с гостями по родному селу, делится правдивыми анекдотами вроде: Дульсинея Ортис, дочь аптекаря, поехала в Мадрид учиться на врача. Подала документы в университет. А в тамошней анкете графа «место рождения» следует сразу за «именем собственным». Получилось, как вы понимаете, «Дульсинея из Тобосо» в совершенно прямом смысле.

Роман о смутных догадках

Когда лет двести назад роман о хитроумном и дальго окончателно утвердился в международной славе, возникший естественным образом все-испанский культ Дульсинеи потребовал конкретных объектов для поклонения. И они немедленно явились, с легкой руки исследователя Рамона де Антекеры, который предположил, что прототип Дамы Кихотова сердца – это Ана Мартинес Сарко де Моралес, сестра небогатого дворянина, жившего в Тобосо. В письмах Сервантеса имеются глухие намеки на роман между ним и этой девушкой. Вроде бы он даже называл ее «сладчайшей Анной», dulce Ana – почти Дульсинеей.

По архивным источникам в селении «опознали» небольшое двухэтажное здание, с давних пор изве-

стное всем соседям как «Дом с башенкой». Далее, для его «атрибуции» именно как жилища Мартинесов, де Сарко пришлось пойти на еще одно весьма натянутое допущение – что герб, изображенный на фасаде принадлежал этому исчезнувшему впоследствии роду. Фасад начали до блеска и составили экспозицию, отражающую мелкопоместный быт тех времен.

Говорят, что Дева Мария одарила красотой всех жительниц Назарета. Нечто подобное оставила односельчанкам в наследство и возлюбленная Кихота. Во всяком случае, кастильский народ, склонный ко всякого рода оптимистической мистике, верит в это. Ежегодно в августе здесь, как и в большинстве испанских деревень, устраивается красочная ярмарка со всякими распродажами, театрализованными представлениями, а также – в качестве кульминации – с выбора Дульсинеи. Принять участие в них может любая совершеннолетняя тобосская уроженка. От нее требуется немного: умение спеть народную песню, станцевать в традиционном ла-манчском костюме и... просто очаровать членов комиссии – у любой местной Альдонсы все эти навыки в крови.

Второе отечество героя

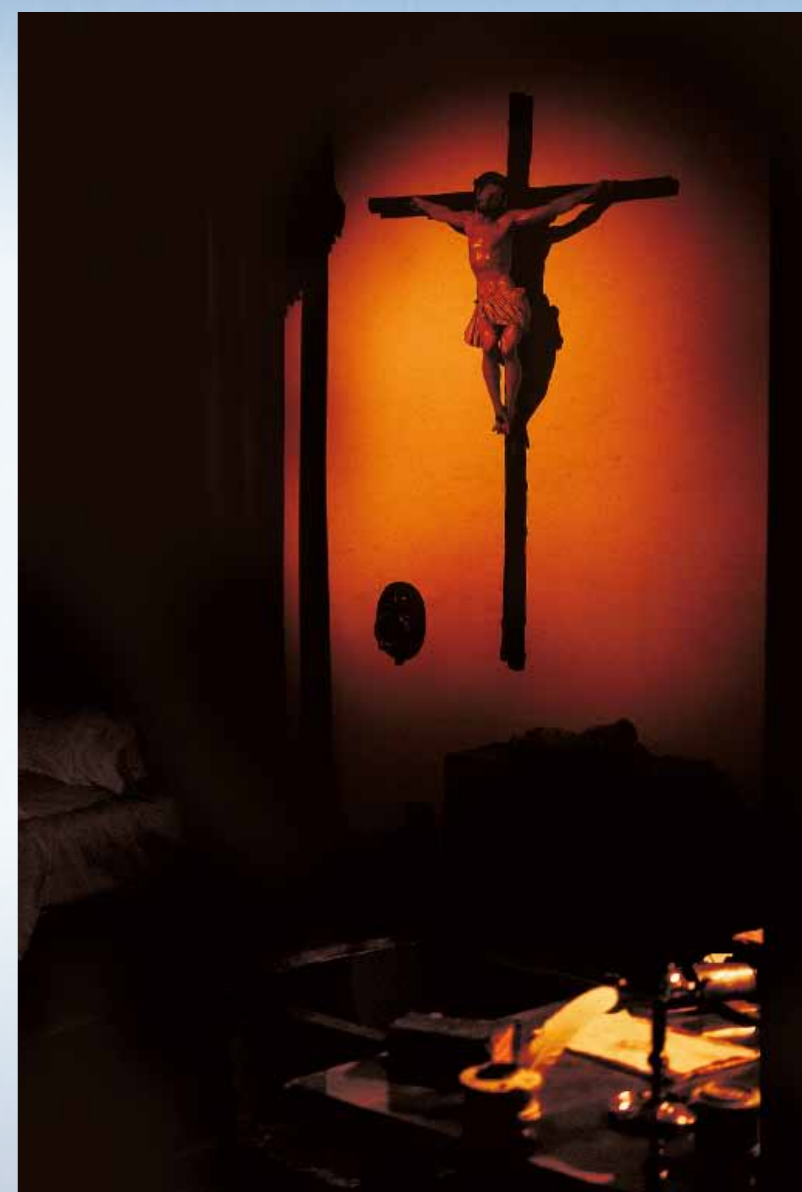
Для того чтобы из Тобосо добраться до бодрого и подтянутого городка Аргамасилья-де-Альба, нужно преодолеть еще несколько десятков километров по пологой возвышенности и пере-

сечь невидимое (подземное) русло Гвадианы. Множество исследователей и простых людей сходятся в том, что именно Аргамасилья, а не Эскивиас, и есть истинное «село ла-манчское», где родился Дон Кихот (выражение «село ла-манчское» содержится в первой фразе романа).

Роман о несчастье, счастьем обернувшемся

Освященная народной верой история такова: где-то около 1600 года дон Мигель де Сервантес Сабедра в очередной раз занимался малоблагородным ремеслом, к которому прибегал ради заработка, – сбором податей. Штаб его маленького ведомства находился в Аргамасилье. Здесь же он был в очередной раз обвинен членами муниципального совета в денежной неадекватности и уже в третий раз в жизни брошен в тюрьму, где провел около двух лет, пока вмешательство высоких покровителей при дворе не вызволило его оттуда. Заключение – особенно на первых порах – оказалось весьма суровым. Узнику не выдавали даже письменных принадлежностей. Тогда-то от скуки и тоски литератор и стал вытаскивать из потухшего очага обгоревшие угольки и рисовать ими на стенах камеры-пещеры. Здесь, в сырости подземелья, науки-крестьянники, которые и сейчас в изобилии оплетают паутиной этот каменный мешок, стали первыми, кто увидел на штукатурке две фигуры: одну – тощую и длинную, другую – приземистую и коренастую. Позднее узник все же получил перо и бумагу. Так началась работа над известнейшим романом всех времен.

Что касается тюрьмы, то она помещалась в доме семейства Медрано: род был довольно состоятельным, но не брезговал сдачей внаем «подсобных» помещений властям под узилище. С тех пор, впрочем, тюрьма Сервантеса и сгорала дотла (так что конкретное помещение, где он содержался, пришлось опознавать по каменной балке – такая, вроде бы, имелась только в его камере), и приходила в запустение по нерадению очередных хозяев. Только пару десятков лет на-

«Святая святых» кихотовского культа – преддверие темницы в «Доме Медрано» в Аргамасилье-да-Альба, где как уверены все, Сервантес задумал и начал свой роман

зад ее наконец выкупила мэрия Аргамасильи, чтобы превратить в национальный мемориал и место паломничества.

Одновременно с Сервантесом в городке проживал средней руки идалго по имени Родриго Пачеко. Именно ему молва приписывает помешательство на почве обильного чтения, болезненную любовь ко всему рыцарскому и призывы к дальним героическим странствиям. С этим чудакватым дворянином Сервантес, конечно же, мог и должен был быть знаком.

Вроде бы все идеально сходится. К тому же становится ясно, отчего это, собственно, у «принца гениев» нет охоты вспоминать (см. первую фразу романа) название этого городишки, притом что другие местные топонимы он называет точно, – кому приятно вспоминать место заточения? Но с точки зрения науки все довольно сомнительно. Вплоть до того, что сам факт этого заключения никакими документами не подтвержден, в отличие от двух предыдущих «отсидок» дона Мигеля в Севилье и Кастро-дель-Рио.

Но легенда сделала свое дело: сегодня «Дом Медрано» – общепризнанное жилище Сервантеса, а его камера «о двух этажах» – один в полуподвале, другой глубоко под землей – оформлена и содержится более чем торжественно и почтительно. Табличка у входа, например, сообщает, что здесь, дабы проникнуться духом места, добровольно заточил себя в 1860-х подвижник сервантистики Хуан Артсенбуч, составитель первого полного издания «Дон Кихота» с академическими комментариями.

А по другую сторону дороги, на небольшом продуктовом рынке «для своих», толпятся шумными рядами покупатели, среди которых нетрудно заметить и типичную Тересу Пансу, и мужа ее Санчо, и цирюльников, и священников, и почти любое лицо, явленное нам в сервантесовском романе.

◀ Северные границы Ла-Манчи еще с донкихотовских времен стережет неприступная крепость Куэнка. Можно считать, что дальше этой скалы Дон Кихот и Санчо на север не углублялись...

Возможно, я захожу слишком далеко, позволяя воображению возобладать над действительностью. Но несомненно одно: все это вместе – селение, ленты улиц, ломаными штрихами стекающиеся к центральной площади, где бьет слабенький фонтанчик питьевой воды и зазывает постояльцев звуками фламенко «Кихотель», толпа на рынке, дети, гоняющие мяч, усатые плуты – все это тот самый народ, который мы рассчитывали найти и нашли. Народ святого Кихады Доброго.

Преображение героя

Солнце еще весело припекало головы этого народа, когда мы отправились на юг, к конечной цели нашего путешествия. В места, где круглый год поют птицы и где концентрация мифологических сюжетов и персонажей достигает критического предела. Всего километрах в двад-

Лагуны Руидера, охраняемые специальными экологическими законами и сегодня продолжают также нести свои воды от одной к другой малыми водопадами, как и в романе «Дон Кихот», и в воображении Доре

Мигель де Сервантес Сааведра – по сей день главный культурный «козырь» и достояние Испании. Отделения Института его имени пропагандируют все испанское во всех углах мира, а штаб-квартира, естественно – в Мадриде

цати к юго-востоку от Аргамасильи начинается та самая «прославленная местность», которая описывается и в самом начале романа, когда Кихот, еще в одиночестве, впервые выезжает из родного поместья. Монтельская низменность, открывает странникам ламанчское чудо природы – лагуны несчастной доньи Руидеры.

Роман о слезах и воде

Вот печальная судьба Руидеры, чьи горести дали имя прохладным лагунам. Эта знатная сеньора проживала в здешнем замке с семьей дочерью и двумя племянницами. Замок был скрыт от глаз смертных, но существа сверхъестественные прекрасно видели и его, и его обительниц. На беду, могущественный маг Мерлин проникся страстными чувствами к донье Руидере. Та не ответила ему взаимностью. Тогда он заточил ее со всем многочисленным потомством в великой пещере Монтесиноса. Там томилась она, заколдованная, многие годы и столетия, пока наконец волишебника не тронули – или, скорее, не надоели ему за столь долгое время – вечные слезы красавицы, и он из жалости не обратил их в лагуны, чтобы они могли вечно источать влагу.

Когда Матильде Севилья, мой проводник в Монтеле, была еще маленькой девочкой, зиму ее семья проводила со своим стадом в небольшом поселке Сан-Педро, ближайшем к пещере Монтесиноса. Теперь он заброшен, а тогда, лет 35 назад, десятилетней Мати вменялось в обязанность каждый день носить отцу еду на дальнее пастбище близ легендарного источника Фриды – еще одной сказки здешних мест. Пастух и девочка преломляли хлеб, сыр, запивали водой прямо из «ключа любви» и всякий раз спорили: надо ли оборудовать его мостками, чтобы в любой сезон к нему можно было подобраться, или пусть остается таким, каким его задумала природа? Матильде доказывала, что стоит, – в конце концов, сотни женщин, верующих в предание, проделывают десятки километров, чтобы омыть в нем лицо: считается, что это гарантирует вечную привлекательность.

История разрешила этот спор сама: теперь закон запрещает менять что-либо на территории национального природного парка «Лагуны Руидеры». То же, естественно, касается и подступов к знаменитой пещере, до самого дна которой Рыцарь печального образа собирался «добраться»

Артисты труппы Vitela Teatro Урбано Хименес (Санчо Панса) и Хосе Луис Доктор (Дон Кихот), отыграв для нас представление с ветряными мельницами, удаляются – не в вечность, конечно, а поискать какую-нибудь группу туристов...

и для того купили они около ста брасов веревки, спешились и, преодолев стену частого и непроходимого терновника, бурьяна, дикой смоквы и ежевики, крепко-накрепко обвязали Дон Кихота...»

Роман о священном безумии

Хорхе Луис Борхес, знавший толк в кихотизме, был уверен, что три страницы этого приключения есть своего рода эмоциональный пик всего тысячестраничного сочинения, краткое изложение евангельского послания рыцаря миру. Здесь герой Сервантеса вступил в сообщество благородных призраков – собственных, испанского народа и европейской мифологии. Там же, в пещере Монтесиноса (читайте Монте дель Сино – на «горе Судьбы»), дошел он до истинного логического конца своего бескомпромиссного Пути. И на свой лад причастился святых тайн: в весьма ироническом ключе (в духе романа) постиг простой смысл своих «бредней», а лучше сказать – мистерий, выражающих суть основополагающих понятий бытия – добра, зла, любви, справедливости...

В Вечность

Подобно тому как в величайшей империи Античности все дороги вели в Рим, в сервантесовской Кастилии они неизменно направляли путника к молодой королевской столице, к блистательному Мадриду.

Сервантес поселился здесь на старости лет на улице, которая в те давние годы называлась Садовой, а ныне носит имя Лопе де Веги. Ирония судьбы: Сервантес окончил дни на улице своего глав-

ного литературного недруга, а тот лежит теперь в могиле под церковью на улице Сервантеса!

Еще через два переулка от площади Санта-Ана жил в ту эпоху Веласкес – там же он умер и похоронен, но после того, как в конце XVIII века церковь, в полу которой замуровали тело художника, снесли и поставили на ее месте новодел, могила его оказалась утеряна. Такая же по-смертная судьба постигла и дона Мигеля. В то время как его роман возносился в вечность, останки автора терялись в ней. Церковь монастыря тринитариев, в которой его погребли в аскетическом францисканском одеянии из грубого сукна, уступила место постройке 1703 года, все гробницы исчезли. Даже традиции посещать этот храм как место погребения писателя не сложилось. Выяснилось, например, что мой ученый провожатый по сервантесовскому Мадриду профессор Маурисио Макаרון никогда не бывал внутри. В полумраке большого зала – изваяния святых, живые, но пожухшие цветы. Даже часы над алтарной частью остановились и вечно показывают три часа дня. А скромная табличка с надписью «Под основанием этого монастыря лежат Мигель Сервантес, его супруга донья Каталина и монахиня Марсела де Сан-Фелис, дочь Лопе де Веги» потускнела, и буквы стерлись от времени.

В общем, с физическими свидетельствами о «принце гениев» время обошлось немилостиво, нет у нас ни костей, ни праха его. Есть только роман и его бессмертные герои, которым повезло гораздо больше: во плоти и крови они населяют Испанию наших дней.

Фото А. Кузьмичева

